

Глава 2

Новая жизнь американского велоспорта

Красивый подтянутый поляк тридцати восьми лет от роду с правильными чертами лица и усами совсем не говорил по-английски и до конца не понимал, что будет делать в Америке. Для него было важно одно: уехать подальше от жены, которая, как он был уверен, изменяла ему в своих бесконечных заграничных командировках. Он бросил карьеру и не знал, когда в следующий раз увидит дочь.

Эдди Борисевич не столько страдал, сколько злился на себя за то, что дал браку распасться. Развод затмил для него все прежние успехи, жизнь стала видеться в мрачном свете. Он и хотел бы начать новую жизнь, но не знал, как найти в себе силы. Летом 1976 года Борисевич прилетел в Нью-Йорк, чтобы оттуда отправиться в Монреаль на Олимпиаду, но до Канады так и не доехал. Он понял, что пришло время изменить себя.

В Польше жизнь Борисевича вращалась вокруг велоспорта. Он вошел в состав сборной страны еще подростком, выигрывал внутренние чемпионаты, ездил на соревнования в Европу. В конце 1950-х — начале 1960-х годов начал подниматься в мировых рейтингах и тогда задумался о карьере профессионального спортсмена. Польша в то время была кузницей велогонщиков, спорт полностью поддерживался коммунистическим правительством, подчинявшимся СССР. Он надеялся попасть в олимпийскую сборную страны.

Мечты об олимпийской славе Борисевичу пришлось оставить в двадцать один год, когда врач во время плановой флюорографии выявил у него небольшое поражение в легких и диагностировал туберкулез. Его положили в больницу. Улучшения не наблюдалось, и дозу лекарств утроили. Так продолжалось несколько недель, пока вдруг врач не понял, что отметка на снимке — всего лишь след от старого шрама пациента, а вовсе не болезнь. Он вернулся в спорт, но прежних сил не было, и он так и не смог наверстать упущенное. Надежд стать чемпионом мира не осталось, и с этим пришлось смириться.

У Борисевича был пытливый ум. Он всегда хорошо учился, хотя и оставил университет ради спортивной карьеры. Вскоре после истории с ошибочным диагнозом он поступил в Академию физической культуры в Варшаве, чтобы изучать физиологию человека и теорию спорта, что в коммунистической Польше считалось весьма престижным. Продолжал выступать за сборную команду страны, но к учебе относился серьезнее. Другие велогонщики прозвали его профессором. В университете ему предложили тренировать сборную команду юниоров.

Борисевич составлял индивидуальные планы тренировок для спортсменов, вел подробные записи их результатов, отмечал уровень подготовки и фиксировал улучшения, бывшие следствием его разработок. По сути, он проводил научный эксперимент с лучшими спортсменами Польши, чтобы изучить наиболее подходящие методы тренировок. Некоторые гонщики ставили собственные эксперименты — с допингом. Они рассказывали ему, что принимают амфетамины и гормоны, чтобы лучше выступать, но не придавали этому большого значения. Спортсмены называли их «витаминками» или «средством от изжоги». Эдди запоминал названия веществ и потом отыскивал их описания в старом медицинском справочнике. Он выяснил, что многие из них имели опасные побочные эффекты. Тем спортсменам, к которым он испытывал особенное расположение, он показывал статьи из этой книги, чтобы предостеречь от опасных последствий.

Очень скоро Борисевич стал одним из лучших тренеров Польши, и на него возложили обязанности по подготовке спортсменов олимпийского резерва. Его должность оплачивалась из государственного бюджета, поэтому зарабатывал он мало. Приходилось подрабатывать гидом, чтобы семья ни в чем себе не отказывала. Все было хорошо до тех пор, пока он не узнал об интрижках жены и не принял решение уйти от нее. В 1976 году польское правительство разрешило ему поехать на Олимпиаду в Монреаль в качестве зрителя. Он прилетел в Нью-Йорк, откуда должен был поехать на машине в Канаду, но в итоге остался в Америке.

В то время Штаты переживали период расцвета любительских велоклубов. Повсюду в стране — от восточного до западного побережья — проводились любительские велогонки. Несмотря на огромную популярность среди любителей (в 1973 году в федерацию любителей велоспорта зарегистрировалось больше восьми с половиной тысяч человек, что было почти в два раза больше по сравнению с предыдущим годом), профессионально этим спортом почти никто не занимался. Не было профессиональных команд, не было профессиональных гонок, на все штаты приходилось всего около десятка профессиональных велогонщиков.

В США Борисевич встретился со старым приятелем по команде, который жил в то время в Нью-Джерси. У него и остановился, подрабатывая с польскими рабочими: в основном красил мосты и водонапорные башни. Примерно через полгода пребывания в Америке Борисевич зашел в местный веломагазин.

Его владельцем оказался Майк Фрайс, который занимал руководящий пост в американской Федерации велоспорта и отвечал за сборную страны на Олимпиаде в Монреале. Когда он увидел Борисевича в своем магазине, его лицо показалось ему смутно знакомым, но он не мог понять, откуда его знает. Потом вспомнил: на соревнованиях в Варшаве, куда он ездил с американской командой, видел Борисевича среди тренеров. Представившись поклонником, Фрайс поинтересовался у него на французском (английским Борисевич не владел), что он делает в США и что стало с его спортивной карьерой. Борисевич вкратце рассказал свою историю и признался, что сейчас у него нет даже велосипеда. Заработанных денег просто не хватало, чтобы купить его.

Фрайс оживился. «Подожди-ка здесь», — сказал он и исчез в подсобке. Через несколько минут появился с велосипедом светло-зеленого цвета. «Вот, держи», — сказал Фрайс и уговорил Борисевича поехать вместе с ним на воскресную тренировку велоклуба Северного Джерси.

Борисевич был не против, но предупредил, что потерял форму и не сможет ехать так же быстро, как все. А если отстанет, то никогда не найдет дорогу обратно.

В воскресенье Борисевич на своем новом велосипеде присоединился к большой группе велосипедистов, которая собиралась у магазина Фрайса. Во главе группы ехал сам Фрайс и его друзья, они задавали умеренный разминочный темп. По дороге присоединялись другие спортсмены, и в итоге в компании набралось человек сто. Их велосипеды были настоящими произведениями искусства, созданными веломастерами разных концов земли. Мужчины брили ноги и носили специальную обувь на кожаной подошве с шипами для крепления на педалях. Так велосипедисты могли полностью контролировать велосипед и подтягивать педали вверх для большего ускорения. Все было серьезно, и на тренировке они могли померяться силами с другими фанатиками из соседних кварталов.

Тронувшись в путь, компания загудела, обсуждая, что у кого произошло за последнюю неделю. Разгоняясь под тридцать километров в час, приятели не прекращали сыпать вопросами: «Как дети? Как жена? Как новая машина? Нашел работу?». Так продолжалось почти полчаса, пока Фрайс или кто-то другой не начал наращивать темп, и вскоре компания гнала со скоростью под пятьдесят километров в час.

Скоро группа из ста человек сократилась до тридцати. Фрайс с друзьями все еще держал заданный темп. Борисевич не отставал. На длинном сложном подъеме на крутую горку сдалось большинство остававшихся спортсменов. Фрайс, пара его друзей и Борисевич продолжали путь, разделав под орех половину всех велосипедистов из близлежащих районов. Они обехали вокруг озера Рокленд, что под Нью-Йорком, и, полюбовавшись пейзажами, направились обратно в Нью-Джерси. По дороге остановились перекусить в небольшом итальянском кафе. За чашкой кофе Фрайс поздравил Борисевича.

Когда Борисевич признался, что не садился на велосипед уже два года, за столом ахнули. Как такое возможно? Борисевич по-французски через Фрайса объяснил, что его выносливость не зависит от уровня подготовки, а зависит только от техники. Он умел правильно педалировать и расходовать силы, знал, где нужно ускориться, а где не спешить. «Все дело в эффективности езды», — заключил он.

Борисевич считал американцев абсолютными профанами велоспорта. Эти мускулистые мачо могли с легкостью обогнать ньюйоркцев, но никто из них в подметки не годился европейцам. Беда в том, что в то время некому было их научить, и стало ясно: сделать это должен он.

К концу 1977 года у него тренировалась группа лучших велосипедистов из Нью-Йорка, Нью-Джерси и Коннектикута. Раньше большинство из них усиленно занимались летом, но с наступлением холодов полностью теряли форму. Борисевич объяснил, что зима — отличное время для тренировок в зале для укрепления мышц, работающих при езде. Силовыми тренировками было сказано твердое «нет». Спортсмены считали, что из-за них мышцы станут огромными, а тела грузными и негибкими; что велоспорт требует выносливости, а не силы.

Чтобы доказать свою правоту, Борисевич показал Фрайсу и другим велосипедистам дневники, в которых вел записи тренировок лучших спортсменов Польши, в том числе Рышарда Шурковского, который как раз в то время стал чемпионом мира в шоссейной гонке и в индивидуальной гонке на время. Это как если бы он спустя годы открыл дневник Лэнса Армстронга и показал все его тренировочные планы, хранившиеся в секрете. Только не было в то время в США спортсмена уровня Шурковского. Его зимние тренировки состояли из бега и интенсивных занятий в тренажерном зале. В понимании американцев это был план подготовки многоборца, а не велосипедиста, но все же им пришлось довериться опыту Борисевича. Он разработал индивидуальный план для каждого спортсмена, научил технике работы с весом, попросил каждого вести дневник. Все получилось. Многие велосипедисты клуба, которые тренировались с ним, показали в том году свои лучшие результаты.

Фрайс думал, что раз Борисевичу за такой короткий срок удалось добиться высоких результатов от любителей, то ему под силу подготовить и будущих олимпийцев. Они решили организовать сборы юниорской команды в калифорнийском городе Скво-Вэлли, который в 1960 году принимал зимние Олимпийские игры и где летом можно было

бесплатно тренироваться в спортивных комплексах. О лагере узнавали по сарафанному радио — в магазинах спорттоваров и через велоклубы.

В лагере Борисевич почти ни в ком не увидел большого потенциала. Был, правда, один четырнадцатилетний мальчик из города Рено, которого в лагерь привез отец. Он был намного младше остальных и никогда специально не тренировался. У него лоснилась кожа лица; светлые волосы лохматил ветер. Парень сел на велосипед и полетел. Для новичка он справлялся прекрасно. Звали его Грег Лемонд.

Лемонд был очень сильный, но больше всего Борисевича поразило его лицо. Когда он заезжал на холмы в окрестностях озера Тахо, лицо его искажалось от боли и усердия, так что уголки рта растягивались почти до ушей. Борисевич знал, что научить желанию преодолевать боль невозможно. Это почти болезнь, форма мазохизма. Он прекрасно знал, что лучшие велогонщики борются с внутренними демонами, от которых и несутся прочь со всех ног. Велогонка — своего рода химиотерапия, которая уничтожает больные мысли.

У Лемонда был демон, которого хватило бы на десять спортсменов. Когда ему было одиннадцать, его изнасиловал друг семьи, приятель отца на семнадцать лет старше Грега. Он насиловал мальчика несколько лет, а Грегу было так стыдно, что он не мог об этом никому рассказать. Единственное, что он мог сделать, — гнать что есть мочи по ветреным склонам. Он выкладывался по полной, раскачивался на велосипеде из стороны в сторону, сопротивляясь силе тяжести. Он поднимался на полтора километра вверх, где воздух был чуть разрежен. В голове было пусто, он тяжело дышал. Так тяжело, что не мог ни о чем думать, ничего чувствовать. Лемонд находил в этом радость. Он был счастлив страдать, был счастлив испытывать сильную боль. На обратном пути он не пользовался тормозами — пробовал смерть на вкус. Появилась зависимость от эндорфинов и адреналина.

Борисевич взялся за Лемонда всерьез. После лета продолжил с ним общаться, отправлял ему тренировочные планы и корректировал их по мере того, как узнавал что-то новое об уникальных физических данных ученика. Он стал вторым отцом для Лемонда, которому было важно видеть мужскую модель поведения для подражания.

Видя, как работает Борисевич, Фрайс хотел сделать его главой национальной сборной США. Пройдя несколько собеседований и получив одобрение руководства Федерации велоспорта, в 1978 году Эдди был принят на работу и полностью посвятил себя тому, что так любил. Для того чтобы платить по счетам, больше не нужно было красить мосты. Его зарплата и финансирование всего олимпийского комитета США зависели от спонсоров, а не от государства, как в других странах. Закон об олимпийском и любительском спорте Теда Стивенса был принят в том же году, когда Борисевич получил новую работу. Согласно новому проекту олимпийский комитет и членские организации, такие как Федерация велоспорта США, получали монопольное право на олимпийские виды спорта, что позволяло им более эффективно управлять средствами. По этому закону в Олимпиаде могли принимать участие только любители.

Как главный тренер Борисевич проводил много времени в тренировочных лагерях на главной базе Федерации велоспорта США в Колорадо-Спрингс. В каждый такой лагерь он набирал около ста молодых велосипедистов, оценивал их способности и лучших приглашал продолжить тренировки. Отбор продолжался до тех пор, пока в его команде не оставались только самые талантливые гонщики.

Каждый тренировочный лагерь Борисевич начинал с того, что излагал молодым велогонщикам основные принципы тренировок. Он объяснял, что пиковые этапы

физической подготовки постоянно сменяются периодами восстановления. Во время интенсивных тренировок тело справляется с нагрузкой за счет увеличения объема крови, снижения частоты ударов сердца в состоянии покоя и подготовки клеток крови к большим нагрузкам. Однако в пиковом состоянии организм может находиться не больше двух-трех недель, после чего начинается спад, во время которого организм перестраивается и восстанавливается. Самым важным, по его мнению, было подгадать, чтобы спортсмен находился в пиковой форме на самой гонке.

Борисевич учил своих спортсменов технике, объяснял, как удерживать темп, распределять силы при педалировании. Он отмечал, что большинство американских спортсменов прилагают слишком много усилий, давя на педали, и совсем забывают подтягивать их вверх. Борисевич отрегулировал велосипеды спортсменов, научил правильной посадке, рассказал, как использовать мышцы брюшного пресса, чтобы удерживать правильное положение на велосипеде, как держать руки на лежаке. Американцы казались ему слишком тучными, и он учил их правильно питаться.

Американские велосипедисты вскоре начали доверять Борисевичу, несмотря на его корявый английский и странное поведение: он, например, измерял все возможные углы посадки спортсменов, проверял каждую деталь велосипеда. Американцы не могли выговорить его фамилию «Бор-ииии-сееей-вич» и стали называть его Эдди Би. Прозвище так хорошо прижилось, что через некоторое время все забыли, как его звали по-настоящему.

Многое из того, чему Борисевич учил спортсменов, считалось в Европе прописной истиной, но для США это знание было революционным, и результаты не заставили себя долго ждать. В 1979 году Лемонду исполнилось восемнадцать, и Борисевич отправил его в Аргентину на чемпионат мира среди юниоров в возрасте до девятнадцати лет. Лемонд уверенно выиграл гонку, обогнав лучших спортсменов из России и культовых для велоспорта регионов — Бельгии и Франции. На то время этот результат был, пожалуй, самым большим достижением американцев на мировой арене современного велоспорта. Победа Лемонда означала, что он стал одним из главных претендентов на победу в московской Олимпиаде, которая должна была состояться через год.

Однако шансы Лемонда на золотую медаль испарились, не успев появиться. В январе 1980 года президент Джимми Картер решил бойкотировать Олимпийские игры в Москве из-за вторжения советских войск в Афганистан. Борисевич рвал на себе волосы. Все, что он делал последние два года, было посвящено главной цели — участию в летней Олимпиаде-1980, и с Грегом Лемондом в команде у него был реальный шанс взять олимпийское золото. Борисевич пытался убедить Лемонда остаться любителем и начать готовиться к Играм 1984 года, но тот даже не рассматривал такой вариант. Он знал, что сможет стать отличным велогонщиком в Европе, и сразу ушел в профессиональный спорт. Целью жизни Лемонда не было выиграть Олимпиаду. Цель у него была другая — выиграть гонку «Тур де Франс». В возрасте девятнадцати лет он покинул США, чтобы начать профессиональную карьеру в Европе, где вошел во французскую команду, спонсируемую компанией Renault и производителем шоссейных велосипедов Gitane.

Думая заранее о следующей Олимпиаде в Лос-Анджелесе, Борисевич изо всех сил старался убедить других перспективных велогонщиков не уезжать вслед за Лемондом в Европу. Он говорил им, что профессиональный спорт — это адский труд, бесконечные изнурительные поездки, маленькие зарплаты, что им придется оставить свои семьи, учить новые языки. Это сработало. Борисевич продолжил работать с маленькой группой велосипедистов. Для многих из них велоспорт был обычным хобби, а выиграть Олимпиаду

на американской земле было пределом мечтаний. Получать зарплату в Европе за езду на велосипеде никто из них не собирался.

Конечно, бойкот Олимпиады 1980 года страшно расстроил Борисевича, но нет худа без добра, и теперь у него было четыре полных года на подготовку к следующей Олимпиаде. Русские и другие велогонщики из стран по ту сторону «железного занавеса» выиграли четырнадцать из семнадцати медалей на Олимпийских играх в Москве, большую часть из них на треке. Мировой рекорд был побит двадцать один раз. Борисевич, как и многие американцы, считал, что для велосипедистов за «железным занавесом» была разработана допинговая программа, спонсируемая государством, и именно поэтому они такие крупные и ловкие, будто персонажи мультфильмов про супергероев.

После той Олимпиады американцы осознали, что отстают в фармакологии. В Олимпийском комитете США все сходились во мнении, что, раз советские спортсмены принимали допинг, американцам тоже нужно. Это был вопрос уровня государственной безопасности. В 1982 году Олимпийский комитет открыл лабораторию в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе по разработке новых тестов для обнаружения в организме человека стероидов и других допинговых веществ. Эти тесты впоследствии применялись на Олимпиаде 1984 года. У самих американцев было преимущество: они точно знали, какие тесты будут проводиться на Играх и как они работают. Олимпийский комитет США использовал лабораторию Калифорнийского университета для проведения «неофициальных тестов», которые спортсмены проходили без каких-либо нежелательных для себя последствий. Благодаря таким тестам спортсмены могли узнать, сколько времени разные виды допинга остаются в организме — информация нужная, не поспоришь. Такова была американская версия государственной поддержки допинговой программы. Разница заключалась в том, что правительство страны не вмешивалось в работу Олимпийского комитета, а спортсменов никто не обязывал принимать допинг.

Борисевич серьезно тренировал свою команду все четыре года. Он вывозил спортсменов на международные соревнования в Европу, и впервые в истории США они раз за разом одерживали победы на международных соревнованиях по велоспорту. Борисевич начал налаживать связи в Восточной Германии, чтобы организовать контрабандную поставку велоэкипировки в США. К его заслугам можно отнести, например, то, что он смог достать карбоновые колеса и аэродинамические велосипеды, которых не было не только в США, но и нигде на Западе. Он смог раздобыть шины Continental ручной работы, которые производились по ту сторону «железного занавеса» и которые можно было накачивать до большего давления.

Борисевич как тренер национальной сборной США был твердо уверен в одном: в его команде тренируются лучшие велосипедисты страны. На самом деле только они и могли представлять страну в Европе. Ситуация начала меняться в 1981 году, когда коренастый двадцативосьмилетний строитель из Милуоки, в прошлом олимпийский конькобежец. Джим Оховиц начал собирать первую американскую команду профессиональных велогонщиков. Интерес Оховица к велоспорту казался неочевидным со стороны, но возник он из интереса к конькобежному спорту.

В 1960-х — 1970-х годах, в то время, когда Оховиц строил карьеру в конькобежном спорте, большинство ледовых арен были открытыми. Как многие другие, он катался на велосипеде в теплые месяцы года, чтобы укрепить ноги. Коньки и велосипед требуют

работы одних и тех же мышц и прекрасно дополняют друг друга. Спортсменов, совмещающих эти виды спорта, называли велоконькобежцами. Оховиц тренировался в местном клубе «Милуокские гонщики», где подружился с опытным велосипедистом, который дал ему почитать французскую и английскую литературу о европейских велогонщиках. Фотографии европейских звезд велоспорта запали в его душу. Он начал тренироваться и дважды — в 1972 и 1976 годах — попал в олимпийскую сборную. Участвовал в командной велотрековой гонке преследования на четыре километра, суть которой сводилась к тому, что две команды из четырех человек стартовали на разных концах велодрома и проезжали шестнадцать кругов. Золото ни в тот, ни в другой раз американцы не взяли.

В 1977 году Оховиц женился и растил ребенка. Его жена Шейла Янг тоже занималась конькобежным спортом, выиграла золото на зимней Олимпиаде-1976 и вслед за мужем перешла в велоспорт. Для того чтобы обеспечить семью, Оховиц работал строителем, но спорт не бросил. Постепенно он привыкал к мысли, что скоро ему придется закончить спортивную карьеру. Янгу предложили работу на зимних Олимпийских играх 1980 года в Лейк-Плэсиде. Они собрали чемоданы и всей семьей перебрались туда. В Лейк-Плэсиде Оховиц нашел работу на стройке лыжного трамплина.

Благодаря связям в конькобежном спорте он познакомился с семьей молодого перспективного спортсмена Эрика Хайдена, а во время подготовки сборной к Олимпиаде практически стал его личным менеджером. Основной обязанностью Оховица было следить, чтобы двадцатилетний Хайден не попадал в историю на выездах в Европу. Так он делал первые шаги в спортивном менеджменте.

Хайден превосходно выступил в Лейк-Плэсиде в феврале 1980 года, выиграв рекордное количество — пять из пяти — медалей в истории зимних Игр. Хайден тут же стал известнейшей спортивной личностью в США, на него обрушилась мгновенная слава. Агенты и корпорации охотились за ним, чтобы предложить участие в рекламных проектах. Но скромный Эрик мягко отклонял почти все. Он не хотел зарабатывать на своей олимпийской славе, как, по его мнению, это сделали пловец Марк Спитц и легкоатлет Брюс Дженнер. У него были другие приоритеты. Он мечтал вернуться в колледж, который оставил двумя годами ранее, поступить в медицинскую школу и стать врачом, как его отец-ортопед.

Оховиц имел на него другие планы. После успеха на Олимпиаде Хайден полюбил ездить на велосипеде для поддержания формы. Осенью Оховиц поехал посмотреть на трековые гонки, в которых принимал участие Эрик, и решил, что тот вполне может сделать вторую карьеру в профессиональном велоспорте. В то время Оховиц уже мечтал о создании команды, которая смогла бы профессионально выступать на европейских стартах. Он решил, что Хайден — его главная надежда, заразил его своей идеей, и тот согласился войти в про-команду, у которой еще не было названия. После этого Оховиц продолжал ездить по велодромам в поисках других гонщиков, которых приманивал на Хайдена.

Чтобы дело двигалось, Оховицу требовался спонсор, который взял бы на себя расходы по обеспечению спортсменов экипировкой, оплачивал переезды, платил гонорары. Он договорился с производителем велосипедов Schwinn и компанией Descente, выпускающей одежду. Но нужен был спонсор покрупнее. Найти его помог агент Хайдена, голландец Джордж Тейлор. Он сумел договориться с компанией, управляющей сетью супермаркетов 7-Eleven, о помощи команде во главе с Хайденом. В конце 1980 года владельцы компании братья Джон и Джери Томпсоны подписали с ними

многомиллионный контракт на несколько лет. Так осуществилась мечта Оховица, и на свет появилась команда профессиональных велогонщиков 7-Eleven. Помимо прочего перед ними стояла задача подготовить спортсменов к Олимпиаде 1984 года. Если спортсмены из команды смогут благодаря Оховицу попасть в олимпийскую сборную и если кто-то из них займет призовое место впервые в истории американского велоспорта, это станет не только колоссальным личным достижением спортсменов, но и прекрасной рекламой для спонсора. Владельцы магазина согласились вложить три с половиной миллиона долларов на строительство нового велодрома, чтобы помочь Лос-Анджелесу, принимающему летние Олимпийские игры-1984.

Теперь Оховиц и Борисевич возлагали одинаковые ожидания на Олимпиаду, но их спортсмены по несколько раз переходили из команды в команду. Конфликтов избежать не удавалось, ведь единого взгляда на то, как достичь общей цели, у них не было. Борисевич был тренером по призванию, а Оховиц — дельцом, который отвечал за подбор спортсменов и финансирование; он считал, что его выполняет такие же функции, как бейсбольный менеджер. Они по-разному представляли процесс подготовки спортсменов, а это приводило к накладкам в организации тренировок. Борисевич хотел, чтобы его лучшие спортсмены готовились к крупным чемпионатам страны и международным гонкам, большую часть времени тренируясь в олимпийском центре Колорадо-Спрингс, а Оховиц считал, что спортсменам нужно выступать как можно чаще, особенно в крупных спонсируемых мероприятиях.

В 1981 году на команду была выделена значительная сумма — двести пятьдесят тысяч долларов, что позволило Оховицу подписать со спортсменами контракт, а не просто обещать им призовые. В первый год в команду взяли семь гонщиков, в том числе лучших любителей из Северной Америки. Весной 1981 года команда 7-Eleven вышла на свой первый старт, и тут стало ясно, что эта команда — лучшая в стране.

В следующем году Schwinn отказалась от спонсорства, но значения это уже не имело. 7-Eleven выделяли на команду огромные суммы, так что Оховиц мог приглашать самых лучших спортсменов страны, переманивая их из конкурирующих команд и в некоторых случаях вторгаясь на территорию самого Борисевича.

Пока Оховиц развивал коммерческую деятельность, Эдди Би и вся сборная команда страны знали, что о них будут судить только по результатам. Приближались Олимпийские игры, и страсти вокруг необходимой всем победы накалялись. 30 сентября 1983 года член Федерации велоспорта США кандидат наук Эд Брук сообщил другим членам Федерации о своем желании внедрить новый метод повышения производительности спортсменов — доливание крови. Этот способ не был официально запрещен Международным олимпийским комитетом, но и разрешенным его никто не объявлял. Фактически за счет доливания крови повышалось количество эритроцитов в крови.

Члены Федерации встретились в Колорадо-Спрингс, чтобы обсудить этот вопрос. Когда дело касалось допинга, Борисевич прежде всего заботился о безопасности спортсменов, но допинг и переливание крови были для него разные вещи. Он полагал, что добавить крови в организм не то же самое, что принимать запрещенные препараты с долгосрочным вредным воздействием. Борисевич сказал Бруку, что если это безопасно, не противоречит правилам и будет взято под надежный контроль, то он не против. Но быть напрямую вовлеченным в этот процесс не хотел.

Один из велогонщиков команды Эдди Би двадцатишестилетний Брент Эмери из Милуоки рассказывал, что за несколько месяцев до Олимпиады к ним в тренировочный лагерь пришел тренер или ассистент команды из Восточной Германии. На тренировках американцы ездили, чуть ли не устанавливая мировые рекорды. «Парни, ну чего вы с ума сходите? Зачем на таких скоростях тренироваться? Мы покажем тот же результат через пятнадцать минут после вливания», — сказал немецкий гость Борисевичу, имея в виду переливание крови. Другими словами, зачем так выкладываться на тренировках, если можно получить мгновенный заряд энергии, запустив в организм свежие эритроциты? Так одно небрежно брошенное слово посекло волнение среди американских велогонщиков, которые знали, что им предстоит бороться на равных с русскими.

Но схватке русских с американцами снова помешала политика. В самом начале мая, меньше чем за три месяца до начала Олимпиады, СССР объявил бойкот Играм, беспокоясь о безопасности своих спортсменов. Борисевич был разочарован: он прекрасно понимал, что истинная причина инцидента заключалась в бойкоте США Олимпиады-1980.

Тем не менее команда США не отказалась от опытов с переливаниями. Участие в программе не было обязательным. Те, кто хотел попробовать, должны были найти родственников с подходящим типом крови, которые могли бы стать донорами. За несколько дней до олимпийских трековых гонок велосипедисты и их доноры собрались в номере отеля Ramada в калифорнийском городе Карсон. Врач установил необходимое оборудование, чтобы кровь поступала напрямую от донора к спортсмену. Проверки на гепатит и другие заболевания не проводились.

В переливаниях участвовала примерно треть команды. Эмери решил попробовать и привел в отель мать. Странно было чувствовать, как кровь через трубку попадает к нему в вены, но куда важнее было выйти на олимпийский старт во всеоружии. По его словам, когда в день старта он сел на велосипед размяться перед четырехкилометровой командной гонкой преследования, никакого прилива новых сил не почувствовал, и его ускорения были такими же, как всегда. Польза от переливания казалась ему сомнительной. На соревнованиях он получил серебряную медаль.

Леонард Харви Ниц из Сакраменто, которому на тот момент было двадцать восемь лет, также сделал переливание и заметил небольшую разницу. Обычно на многодневных соревнованиях его силы иссякали на четвертый день, но на той Олимпиаде он почувствовал, что и на шестой день был по-прежнему полон сил. Он помог команде завоевать серебряную медаль в командном преследовании и выиграл бронзу в личном зачете.

В итоге команда Борисевича получила девять из пятнадцати разыгрываемых медалей, в том числе пять золотых. В той Олимпиаде США выиграли в велоспорте больше медалей, чем за всю историю участия в Олимпийских играх до и после тех Игр. Конечно, радость триумфа немного омрачал тот факт, что не было участников из Советского Союза.

После Олимпиады авторитет Борисевича был как никогда высок, но он умудрился нажить себе врагов в Олимпийском комитете США. Жена Оховица Шейла Янг работала в правлении Федерации велоспорта и неоднократно просила Борисевича сделать ее брата тренером мужской сборной. Борисевич раз за разом отказывал. Шейла задумала выгнать Борисевича с его поста, и, казалось, желание ее вот-вот исполнится. В феврале 1985 года журнал Rolling Stone опубликовал статью о переливаниях крови в сборной страны по

велоспорту. В статье упоминался Борисевич, который заподозрил в предательстве Шейлу. Он был в ярости, но ничего не мог доказать.

После разгоревшегося скандала некоторые представители управляющих структур велоспорта — а именно той самой организации, которая инициировала программу, — выступили с публичным заявлением, в котором называли подобные методы неэтичными. Но Борисевич, имевший мало общего с ними, раскаиваться отказался. Он сказал, что мораль в спорте — понятие размытое. «Если мы накачиваем шины гелием, носим новые [аэродинамические] шлемы, используем новые [дисковые] колеса, вы назовете нас бессовестными только потому, что других их нет?», — спрашивал он.

Целый месяц решалась его судьба. И, хотя ничто не мешало оставить Борисевича в должности олимпийского тренера, его отстранили. Работать так же независимо, как раньше, он больше не мог.

Команду Оховица скандал обошел стороной, несмотря на то, что некоторые спортсмены участвовали в переливаниях крови. К тому времени эта команда уже стала культовой, и в съемках фильма о велосипедистах (*American Flyers*) компании Warner Bros. film с Кевином Костнером в главной роли использовалась именно их форма. В этом фильме Костнер и Дэвид Маршал Грант сыграли двух братьев, разлученных судьбой, которые встретились вновь на многодневной гонке. Велоспорт становился модным в глазах американского зрителя.

Вскоре после скандала на калифорнийском ранчо Борисевича раздался звонок. Звонил Майк Фрайс. Он хотел, чтобы Борисевич взял к себе в ученики бывалого спортсмена, банкира Тома Визела, которому было в то время немного за сорок. Борисевич вспылил: «Да за кого ты меня принимаешь?» «Бывальми» называли спортсменов под сорок, выступающих в своей возрастной группе. Так в спортивной среде вежливо говорили о «ветеранах спорта», или попросту о стариках.

«Послушай, Эдди, он крупный инвестор олимпийского комитета США, — говорил Фрайс. — Если ты ему поможешь, он поможет нашему общему делу». Такой аргумент убедил Эдди Би, ведь он знал, что деньги решают все, и согласился.

Через несколько минут после разговора с Фрайсом позвонил сам Визел. «Когда начнем?» — рявкнул он в трубку своим командным басом.

Визел был богатым инвестором Кремниевой долины, который, победив в борьбе за власть, взял под контроль Montgomery Securities — первую компанию, инвестировавшую в технологии. Он рос в Милуоки, был прилежным учеником, увлекался конькобежным спортом, но плохо уживался со своим строгим отцом — видным хирургом, который воспитывал Тома и его младшего брата в большой строгости и даже держал специальную палку для наказаний. Визел был парнем спортивным, играл нападающим в школьной команде по футболу и прекрасно знал уличную жизнь провинциального города, которая ему не нравилась. После школы поступил в Стэнфордский университет. Мечтая попасть на зимнюю Олимпиаду 1960 года, вскоре после поступления Визел взял академический отпуск, чтобы спокойно подготовиться. Тренировок оказалось недостаточно, он плохо выступил в отборочном туре, проиграл и сильно переживал свое поражение.

Получив диплом, Визел поступил в Гарвардскую школу бизнеса, где подружился со своим одногруппником Майклом Блумбергом. После выпуска вернулся на западное побережье и работал аналитиком-исследователем. В 1971 году устроился в

инвестиционный банк Robertson, Colman & Siebel в Сан-Франциско. В середине 1970-х фирма сделала несколько, в том числе крупных, венчурных предприятий публичными. Посоветовавшись со своим другом Блумбергом, Визел, который в то время руководил нью-йоркским отделом торговли акциями в Salomon Brothers, открыл отдел прибыльной торговли. Когда разразился кризис инвестиционных банков, прибыль компании резко возросла, и Визел, самый молодой и агрессивный из партнеров, начал за нее бороться. В 1978 году он стал CEO¹ компании, а остальные партнеры вышли из ее состава. Визел изменил имя фирмы на Montgomery Securities, взяв за основу название одной из центральных улиц Сан-Франциско. Будучи сравнительно молодой, компания начала соперничать с инвестиционными гигантами Нью-Йорка, поэтому Визел считал особенно важным развивать корпоративный дух своей команды. Себя он считал «несостоявшимся спортсменом» и предпочитал брать на работу тех, кто тоже любил спорт. Когда он увлекся бегом, то сразу привел своего тренера к начальнику отдела кадров. Совместными усилиями они собрали команду, которая на протяжении десятилетия выигрывала чемпионаты страны. Объявления о поиске новых сотрудниц в отдел финансов размещали в магазинах спортивных товаров, чтобы собрать женскую команду для участия в первенствах среди организаций. Одна из откликнувшихся на объявление женщин стала второй женой Визела. Он твердо верил, что успех в спорте ведет за собой успех в бизнесе и личной жизни.

В середине 1980-х Визел получил травму колена и не мог больше бегать на длинные дистанции. Вдохновившись примером Эрика Хайдена, Визел решил попробовать свои силы в велоспорте. Он купил экипировку и начал понемногу ездить. Но сильная жажда соперничества в итоге одержала над ним верх.

На первую встречу с Борисевичем в Сан-Диего Визел прилетел на личном двухмоторном самолете, а оттуда они вместе отправились в Бальбоа-парк на велодром. Он находился в ужасном состоянии: выбоины да кочки. Зато был очень живописным: велосипедная дорожка находилась на возвышении, и с нее открывался вид на пустынный каньон, где росли эвкалипты.

Когда Эдди Би впервые встретился с Визелом, он увидел перед собой седого мужчину с немного обветренным лицом. Он щурил глаза, над которыми нависали густые седые брови, и в целом имел бесстрастный вид. Он выглядел подтянутым, но широкие плечи и накачанный торс сильно отличали его от худощавых велосипедистов. Визел рассказал, что любит бегать и что больше двадцати лет назад пытался попасть в олимпийскую сборную. Еще он рассказал о своих успехах в инвестиционном бизнесе и о страсти к лыжам, ради которой они с Блумбергом купили дом в штате Юта, а потом приобрели землю недалеко от горнолыжного курорта в Айдахо, чтобы там тренироваться. Кроме этого, он входил в состав руководства сборной США по лыжному спорту, способствовал некоторым преобразованиям в структуре и нашел новые источники финансирования. Но из-за проблем с коленями занятия лыжным спортом ему пришлось прекратить.

Эдди наблюдал, как Визел ездит по треку. Он (как, впрочем, и все остальные ученики Эдди) «никуда не годился». Про себя Борисевич сравнивал его с ишаком, залезшим на

¹ CEO (Chief Executive Officer — главный исполнительный директор) - главное должностное лицо компании.

велосипед, однако бывало и хуже. Этот, по крайней мере, был решительным. Эдди составил тренировочный план, и они стали встречаться каждый месяц в Сан-Диего.

Визел тренировался вместе с чемпионами Олимпиады 1984 года Стивом Хеггом и Марком Горски, которые поделились с ним своими хитростями на треке.

Однажды вечером Визел пригласил Борисевича на ужин и командным тоном предложил: «Ты делаешь из меня чемпиона страны, я делаю тебя миллионером». Это была не шутка. Он мог грамотно вложить деньги в биржу и в технические IPO², а взамен просил, чтобы Борисевич превратил его, инвестиционного банкира средних лет, в чемпиона своей возрастной группы.

К концу сезона 1987 года Визел усовершенствовал технику и усвоил стратегию велотрековых гонок. В том году он победил в спринте на чемпионате страны среди ветеранов спорта в Хьюстоне. Эдди выполнил свою часть соглашения. Настала очередь Визела делать своего тренера миллионером.

Вдохновленный победой, Визел пришел к Эдди с новым предложением. Он намеревался собрать команду высококвалифицированных велосипедистов для участия в гонке «Тур де Франс». Он хотел видеть в этой команде перспективных молодых гонщиков, которые стали бы впоследствии профессионалами. Параллельно с этим он собирал команду возрастных любителей велоспорта, таких как сам.

Команда Montgomery Securities стала новым явлением в велоспорте. До того момента существовали либо велоклубы для любителей в возрасте, либо профессиональные команды вроде 7-Eleven, а также множество европейских команд, в которых средний возраст спортсменов был около двадцати пяти лет. Никому в голову не приходило объединить два вида команд. Это как если бы начальник Малой бейсбольной лиги разрешил своим взрослым друзьям в ней поиграть.

Визел создал компанию Montgomery Sports Inc на базе Montgomery Securities, открыл офис в Transamerica Pyramid — самом высоком здании Сан-Франциско и стал ее президентом. Главной тренировочной базой Эдди назначил свое ранчо в Рамоне. Местность идеально подходила для тренировок: вдали от города, с умеренным климатом, вокруг дороги хорошего качества, по которым почти никто не ездил. Рядом возвышались огромные горы, в том числе известная своей обсерваторией гора Паломар, к которой вела длинная извилистая дорога.

Эдди селил у себя на ранчо спортсменов в возрасте вместе с молодыми перспективными профессионалами. Жарким летом 1987 года Том Визел ехал с Эдди Борисевичем на своей старенькой хонде, сопровождая спортсменов, которые взирались на гору Паломар. Том повернулся и сказал без тени сомнений: «Из этого может получиться нечто крутое. Однажды эта команда выиграет «Тур де Франс».

Эдди засмеялся: «Это как если бы французская бейсбольная команда попыталаась выиграть мировую серию. Ты это представляешь?»

«Прекрасно представляю! — сказал Визел. — Именно поэтому я и хочу это сделать».

² Initial Public Offering - первичное публичное размещение акций компании.